МЕЛОДИЯ МАСТЕРА

Труд. - 1997. - 24 янв. - С. 23.

ЗАВТРА ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ ТОЛЬКО 59 ЛЕТ

"Если на две чаши весов бросить мою работу: на одну — театр, кино, телевидение, мои выступления, а на другую — только работу над песнями, то, я вас уверяю, песня перевесит!.. Песня для меня — никакое не хобби, нет! У меня хобби — театр."

Что в этом давнем разговоре Владимира Высоцкого со зрителями от лукавства, а что — как на духу?

Он ведь действительно не был в привычном смысле слова лицедеем. Юрий Любимов и в Таганку-то его взял из-за его поэзии-песни. "А показывался он так себе, можно было и не брать за это," — признание самого Любимова. В знаменитом Гамлете было больше Высоцкого, чем эпохи и традиций. Еще Шекспир, говорят, советовал выбирать самого пухлого и розовощекого в труппе на роль датского принца. А тут — по сцене мечется невысокий крепыш в черных вельветовых джинсах и таком же по цвету свитере домашней вязки, с подвирающей семистрункой в жилистых руках, поет — хрипит, читает Пастернака, любит, страдает, ненавидит, сжигает у нас на глазах одну из множества, думалось, своих жизней...

У тех, кто прикоснулся к этому самосожжению, нет сомнений, что дело тут не в лицедействе. Запустенье и разлом в Таганке начались с того, что ушел со сцены "Гамлет". Ушел сильный человек, недосражавшись со слабостями, которыми инфицировал его век. Помните три выстрела поручика Брусенцова, так обреченно отыгранные им в фильме "Служили два товарища"? А Глеб Жеглов, певший Вертинского точно так же, как это делал дядя Высоцкого, принесший с войны три "Боевых Красных Знамени"? У Вайнеров он не такой, сценаристы призывали нас осудить Жеглова заодно с его временем, а мы — любим и сочувствуем, и ничего с собой поделать не можем. Какой ценой достигал этого Высоцкий, уже надломленный болезнью?

Те пара застолий, которые у меня случились с Высоцким, были песенными, а не питейными. В графин перед ним время от времени подливали клюквенный морс. У него была странная способность незаметно перейти от непрерывного пения (сплошняком шли новые песни — когда успевал писать?) к разговору, когда гитара бездействует на коленях или за спиной, а потом вдруг сразу, без паузы, снова песни — и так часа два, а то и больше.

И помню, когда ему очень хотелось попеть, когда он должен был петь, да не случилось. Напыщенный пожилой страж у входа в Дом журналиста, где журнал "Кругозор" с помпой отмечал появление в свет сотого своего номера, закрыл грудью ему, безбилетному, дверной проем. Мне в тот вечер лета 1972 года доверили почетную миссию встречи гостей. "Товарищ к нам", — успокоил я стража. В фойе обменялись рукопожатием, я извинился, Высоцкий хмыкнул: "Чего там, дело житейское!" — спросил, в каком зале происходит торжество. И — просидел там в уголке, просто зрителем, кем-то не замеченный, кем-то — не замечаемый.

Ситуация для него самого была болезненно знакомой. В анкете, предложенной ему кем-то за два года до этого, на вопрос: "Чего хочешь добиться в жизни?" — он горько, а может, с вызовом ответил: "Чтобы помнили, чтобы везде пускали".

Последние его съемки смотреть не могу. "Чуть пом-м-медленнее, кони, чуть пом-м-медлен-н-нее!" — а глаза остановившиеся, будто видят уже что-то, чего нам, живым, не разглядеть, и вздутые жилы на шее вот-вот разорвутся...

А фотография, которую вы видите, из шестидесятых. Январь 1966-го. За неделю до его дня рождения, как сейчас понимаю, нас позвали в МГУ большой командой. Тот билетик сохранился. Михаил Анчаров, Александр Галич (повредил ногу не приехал, но посоветовал, что кому не забыть спеть), кумир туристов Толя Загот, Визбор и я представляли незабвенный МГПИ, и от Таганки сразу трое — Володя Васильев, Хмельницкий, Высоцкий. В предбаннике перед началом балагурили, ревниво разглядывали пальцовку друг друга, обменивались самодельно сочиненными аккордами, Боря Хмельницкий отрешенно барабанил в углу по клавишам пианино. Весь концерт, дожидаясь очереди, простояли за кулисами, вернее, за колоннами, слушали. Мне нужно было спешить что-то дописывать, уходил, когда выступление Высоцкого было в разгаре. От дверей оглянулся. Маленький издали человек в сером свитере в обтяжку, гитара наперевес — и голос, набирающий магическую силу, рокочущий, как трудно сдерживаемый гром:

На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?!"

Из той же анкеты: "Хочешь ли ты быть великим и почему?" — "Хочу и буду. Почему? Ну уж это, знаете!..

Вчитайтесь в посвященную Марине Влади песню Высоцкого, прошедшего уже и «приблатненный», и военный, и сказочный периоды. Услышьте в себе мелодию, не ритмическую импровизацию, а мелодию Мастера...

Сегодня вечером в ЦДРИ в Москве барды из Москвы, Донецка, Усть-Каменогорска поют его, поют ему. А завтра Владимиру Высоцкому — только 59.

Борис ВАХНЮК.
Фото из архива автора.

Марине Влади

Здесь лапы у елей дрожат на весу,
Здесь птицы щебечут тревожно.
Живешь в заколдованном
диком лесу,
Откуда уйти невозможно.

Пусть черемухи сохнут бельем
на ветру,
Пусть дождем опадают сирени —
Все равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели.

Твой мир колдунами на тысячи лет
Укрыт от меня и от света,
И думаешь ты, что прекраснее нет,
Чем лес заколдованный этот!

Пусть на листьях не будет
росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным
в ссоре, —
Все равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море.

В какой день недели, в котором часу
Ты выйдешь ко мне осторожно,
Когда я тебя на руках унесу
Туда, где найти невозможно?

Украду, если кража тебе по душе, —
Зря ли я столько сил разбазарил?
Соглашайся хотя бы на рай
в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!
1969.